

Нина ГАГЕН-ТОРН

Memoria

*Воспоминания,
рассказы, стихи*

Кolibри

МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г 12

Серийное оформление АНДРЕЯ РЫБАКОВА

Оформление обложки ВАЛЕРИЯ ГОРЕЛИКОВА

В книге использованы фотографии из личного архива автора.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-26756-5

- © Н. И. Гаген-Торн (наследник), 2024
- © Г. Ю. Гаген-Торн (наследник), статья, послесловие, 2024
- © М. О. Чудакова (наследник), статья, 2024
- © Оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство КоЛибри®

Широко открытыми глазами

СЕГОДНЯ УЖЕ И НЕ ПЕРЕДАТЬ ТОГО ОБЩЕСТВЕННОГО накала, который разогревал изнутри участников сугубо научной, казалось бы, конференции, проходившей близ Тарту в мае 1967 года, задуманной двумя профессорами Тартуского университета — они определяли тогда мейнстрим отечественной филологии, которая стремилась противостоять ее официозной имитации: это были Юрий Михайлович Лотман и его жена Зара Григорьевна Минц. Едва ли не каждый из докладчиков и слушателей если не понимал, то чувствовал — происходит нечто экстраординарное: не просто научное, но одновременно общественное событие. По условиям советского (раннебрежневского, подмораживавшего один за другим следы хрущевской «оттепели») времени, это впечатление совершенно не обсуждалось в аудитории, но, помнится, и за ее пределами тоже — потому что всем и так все было ясно.

И дело было не только, скажем, в докладе «Блок и Юрий Олеша» Аркадия Белинкова, автора двух изданий (1960, 1965) книги «Тынянов», давно стоявшей в домашней библиотеке не только гуманитария, но любого либерально настроенного физика или математика, и читавшейся как по ошибке легально изданная листовка. Так же воспринимался и его доклад. Научного в нем оказалось не так уж много, но политическим подтекстом была оснащена каждая фраза.

Особое измерение второму Блоковскому симпозиуму, пожалуй, в гораздо большей степени придавало присутствие трех лю-

дей, попавших на наше сборище, как в фантастическом рассказе, из другого времени — прямым ходом из Серебряного века.

Это были издатель Блока Самуил Миронович Алянский (1891 года рождения) — с ним я тогда познакомилась и, смею сказать, подружилась, — тонкий филолог Моисей Семенович Альтман (моложе Алянского на пять лет), ученик Вячеслава Иванова... И еще моложе — 1901 года рождения, — но тоже вживе видевшая и слышавшая Блока Нина Ивановна Гаген-Торн — невысокая, с прямыми, ровно подстриженными, помнится, волосами, с неумовимо мальчишеской повадкой. За ее несогнутой спиной стояли два лагерных срока¹. То есть с ней в зал научных заседаний вошла та страшная часть истории страны, которая успела в конце 50-х — начале 60-х просочиться в печать, но со второй половины 60-х вновь старательно оттеснялась из публичной сферы в тень.

Мы слушали сообщение Нины Ивановны о Блоке, о постоянном присутствии поэта в жизни ее поколения. «...Дыхание его лирики для нас, молодежи, было тогда так же повседневно, как созерцание Медного всадника и Исаакия, Ростральных колонн и стрелки Васильевского острова. Мы жили с постоянным, почти незаметным, присутствием Блока»².

Ранняя юность ее пала на годы революции. И она напишет в своих воспоминаниях о том, как по-разному «воспринимали революцию мы, подростки разных слоев интеллигенции». Но — однородность была в единстве дыхания — мы вышли из мира XIX века, где созревали наши родители, в век XX. И ясно было: этот век несет «невиданные перемены, неслыханные мятежи». То есть блоковские строки обещали им революцию неминуемо. И они верили в свои юные годы в то, что она несет обновление. А кто же в юности не жаждет нового?

¹ О слое, к которому принадлежали трое этих людей, — слое, возникшем в жизни нашего общества в начале 60-х годов, и об особой роли его в нашей тогдашней жизни см. в нашей работе «Поколение 1890-х годов в Советской России» (Чудакова М. Новые работы: 2003–2006. М., 2007. С. 481–500).

² Гаген-Торн Н. И. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 445.

Но жизнь юной Нины Гаген-Торн невысказана для нее самой без духовной составляющей (которая и останется доминантной — в любых условиях). А Петроград первых революционных лет дает немалые возможности для интенсивной духовной работы. Важнейшая черта советской жизни — ее двойственность — складывается уже в эти годы: в подвалах ЧК вовсю идет расправа над только заподозренными в чем-либо, — но те, кто туда еще не попал и о происходящем там не осведомлен, испытывают всю полноту существования, в том числе интеллектуального общения. Интеллектуалов в родном городе Нины Ивановны пока что сколько угодно. С осени 1922 года безостановочно пойдет их убыль, и город постепенно поменяет лицо.

Нина Гаген-Торн впервые попала на заседание знаменитой Вольфила весной 1920 года — на доклад Андрея Белого «Кризис культуры». Речь идет, по всей видимости, о заседании 21 марта 1920 года «Беседа о пролетарской культуре». Как можно видеть по опубликованным документам, Белый рефлексировал перед замороженной им, как обычно, аудиторией: если пролетариат действительно ведет нас в «царство свободы» (совершая, по Энгельсу, «прыжок» в нее из царства необходимости), то, стало быть, «в пролетариате есть зиждательная сила, какие-то особые, благоприятные условия совершить мучительный переход к раскрытию человеческой свободы...»¹. Вот он, удивительный для советских людей последующих десятилетий, предмет горячих обсуждений весны 1920 года — пути достижения полноты человеческой свободы...

К началу XX века в России — «стране стран» — была очень хорошая научная традиция, она дала немало отличных этнографов, краеведов, демографов, географов, статистиков. Ученый по самому складу личности, Нина Ивановна Гаген-Торн стала известным этнографом, исследователем народов Поволжья. Но советская власть дважды надолго вырывала ее из научной жизни. Репрессии затронули около 500 этнографов и ученых смежных специальностей²;

¹ Белоус В. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. Книга 1: Предыстория. Заседания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. С. 201.

² Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 186–187.

многие из них погибли; другие выжили, оставив в тайге и вечной мерзлоте куски жизни и несостоявшихся исследований. Но именно благодаря их трудам, оставленным ими описаниям мы можем представить себе, какую была Россия XIX — начала XX века — с несметным количеством народностей и разнообразнейшими укладами жизни расселившихся по ее огромной территории русских людей.

Острый глаз ученого-этнографа соединился с рукой яркого литератора. И мы читаем в главе «С котомкой за плечами» увлекательную повесть об исчезнувшем, но запечатленном в слове мире поморов... Мы не только видим, но слышим этих встреченных юной Ниной людей.

«Олеша засмеялся.

— Нешто за рыбу деньги платят?

— То есть как же без денег?

— Да как йолы пристанут — подойдите, — вам каждый трешину даст! Нешто могут человеку не дать? Тогда рыба ловиться не станет. Так ведется: пристанет рыба, и кто стренется — дает рыбину. А то лову не будет. Это каждый знает.

⟨...⟩

Стройная просмоленная йола с высоко поднятым носом, сложив парус, скользнула к берегу. Парень выпрыгнул на камни, подтянул канат и закрепил якорь.

Старик с вспененной, кудрявящейся бородой подвязывал паруса и смотрел на меня светлыми глазами.

— Здравствуйте! — сказала я. — Не знаю, как полагается говорить, когда люди с лова вернулись.

— Как ни скажи, все ладно, дочка, коли от сердца скажешь... все ладно, — дружелюбно ответил старик. — Возьми-ка рыбину на уху. Вот с печенкой, мы еще не пластовали. А печень трескова больно сладка в ухе. Едала ты трескову печенку, свежую, чужаниночка? Ну, бери, на добро здоровье! — Старик взял за хвост тяжелое серебряное тело трески и бросил на берег».

Путешествуя с котомкой, Нина в окружающей жизни видела то, чего еще не осознавала. Появляются на ее страницах и дети «лишенцев», лишённые новой властью святого, можно сказать, права человека на получение образования.

«— Батька наш — „служитель культа“, выражаясь официально, — деревенский поп... Такой самый, как были отцы Сеченова, Ивана Петровича Павлова и многих других ученых. Как отцы Добролюбова и Чернышевского, наконец. В царское время мы, деревенские поповичи, с трудом пробирались в университет, голодали, мерзли, черносотенные баричи подавали нам два пальца, но мы пробивали себе дорогу. Шли в науку или в революцию. А сейчас на нас — клеймо. Прячь его или изворачивайся, откажись от того, к чему тебя тянет. Я вот в Медицинскую академию хотел поступить, хирургом стать — не приняли. (...) Новый мир строя, вы о таких думаете? Которые хотят учиться, быть полезными народу, а им отвечают: „У тебя батька — поп“. (...) Тишайший человек! Бился, нуждой задавлен, потому что за требы с крестьян ничего не брал. Из последних грошей рассовал нас, пять штук, по гимназиям, а мы от него откажемся? (...) Вы, Нина, человек хороший, а в жизни многого не видите. Вот и захотелось вам показать, как иногда жить приходится.

Я смотрела на них широко открытыми глазами.

— Я понимаю, Коля, я понимаю, мальчики.

— Понять нетрудно: чужой в родной стране. И не верят тебе. А чем мы виноваты?

Я перевела глаза с одного на другого. Они сидели, костистые, крепкие. Развернуться бы им, хохотать да петь во весь голос, да учиться упорно, настойчиво. Такие доходят до профессуры».

Так в поездке с сугубо научными целями начинается прозрение: «широко открытыми глазами» различает Нина очертания угрожающей селекции российского населения, катастрофический масштаб которой потрясет ее впоследствии в советских тюрьмах и лагерях.

Каждая страница в этом томе написана рукой дотошного этнографа, не пропускающего ни одной детали, но не теряющего поэтической одухотворенности и философского взгляда, окидывающего всю картину. Это — взгляд ученого, поэта и прозаика, неизменно трезво видящего происходящее. Хотя происходит-то все именно с ним самим, и весьма болезненно.

...Арестованных довели через всю страну до Тихого океана, а потом — морем... Когда открыли трюм в «своих» водах — выносили потерявших сознание от духоты; клали на палубу, обливали водой. Трюм задраили потому, что японцы не разрешали провоз заключенных, а обходить было далеко. Японцам сообщили, что везут скот. Они не стали смотреть какой.

Разнообразие лагерных судеб — едва ли не большее, чем у людей на воле. Да, собственно, не в этом ли была одна из невысказанных, неписаных целей: нивелировка общества?.. Грузинка, с детства живет во Франции, французский язык — второй родной. Отец — инженер, но другая его специальность — история Грузии; любовь к родине он сумел внушить детям. В Париже она выходит замуж за грузина, который тоже мечтает увидеть Грузию. Прочитав воззвание советского правительства к эмигрантам: «Родина прощает вас — возвращайтесь!», вся семья спешно начинает собираться... Одна мать умоляет не ехать. Над ней смеются. «...В последний день мать покончила с собой, оставив записку, что у нее нет сил увидеть и пережить страдания, которые, она уверена, ждут их». (Что это? Ведь надлежащей информации о жизни в СССР нет. Интуиция? Сверхчувственное знание?..) У них уже отправлены вещи, получены паспорта. Похоронив мать, они едут: отец, дочь, ее муж, двое их детей. «Родные в Тбилиси встретили их как-то странно: с радостью, но и с каким-то ужасом». Через несколько месяцев арестованы все. О судьбе детей она ничего не знает.

Горькая мысль о детях, оставшихся без матерей, — в тысячах лагерей, раскиданных по стране. «...Она у всех спящих в бараке. Как испарение тел поднимается ночью горечь. Над городами, если смотреть с самолета, — черная шапка воздуха, пропитавшегося дымом. Над женскими лагерями в ночное время такая же шапка горечи, поднимающейся во сне: где дети?»

Многих занимает вопрос — а было ли сопротивление внутри лагеря? Или все шло на убой безвольно, как овцы?

Читаем и видим — да, было. Были «неотказавшиеся ленинцы», как они себя называли. Нина Ивановна встретила их на Кольме.

Они «были уверены, что тактика партии, ведомой Сталиным, дискредитирует идею коммунизма», что «спасти эту идею может только жертвенная кровь коммунистов, вступивших в борьбу со сталинской линией», и они шли на это. Когда их гнали по Владивостоку, они пели: «Вы жертвою пали в борьбе роковой Любви беззаветной к народу». «Конвойные били их прикладами, но пение не прекращалось. Загнали в трюм, но и оттуда слышалось пение. На Колыме они объявили голодовку, требуя политического режима...» Они знали, что будет расстрел, и на это шли. «Это были мужественные люди. Вероятно, все они погибли, но веру свою в необходимость борьбы за по-своему понятый коммунизм сохранили». Какое редкое сегодня в России умение выразить свою оценку описываемого, сохранив нужную дистанцию!..

Кроме веры политической, сопротивлением двигала иная, еще более твердая. «Субботницам» их вера не разрешала работать на власть... «Вся традиция поведения уходила за сотни лет, в старобрядчество». Их соединили в один барак, запретив общаться с остальными. «В положенные часы оттуда раздавалось церковное пение, в остальное время — молчание. Степень непоколебимости проявилась, когда одну, очень больную, вызвали и сказали: „Тебя активировали. Получи документы и катись домой в деревню“. Она спокойно посмотрела и сказала: „А я вас не признаю. Власть ваша несправедливая, на паспорте вашем печать Антихристова. Мне он не надобен. Выйду на волю, вы опять в тюрьму посадите. Не для чего и выходить“. Повернулась и пошла в барак. Она, со своей точки зрения, была вольная, в плену только тело».

За пределами этой книги осталось немало написанного ее автором. Среди прочего — и дневниковые записи, еще времени ссылки: «Читала книгу Олеса Гончара, получившего две Сталинские премии: роман и дальше в том же тоне — повесть „Микита Братусь“ и рассказы. Первое чувство — негодование: ну можно ли так бессовестно лгать! Ложь, все ложь, самая неприкрытая и беззастенчивая. Он не может не знать, что лжет. Может, думает — так нужно? Это странная психология: новое поколение выросло, воспитанное на том, что велят видеть, нужно видеть именно то, что велят, и уметь закрывать глаза на остальное. Он не может не

знать о тысячах заключенных, о миллионах страданий и делает вид, что все счастливо. И невольно встает вопрос: может, и не делает вид? В самом деле не знает? Ведь не может же человек так лгать?.. <...> ...Библиотекарша, которая мне дала книгу, сказала: „Очень, очень интересная!“ Видно, ей-то и вправду кажется, что все это „отображает действительность“ — ведь такова задача реалистического искусства».

Советская жизнь давно и прочно раздвоилась. Живут, не видя и очевидного. В рассказе — один из гулаговских городов: «Кварталы, огороженные колючей проволокой с вышками и дежурными в военной форме, сменялись кварталами высоких домов. Люди, которые шли тротуарами, не обращали внимания на вышки, на одетых в телогрейки...»

Нина Ивановна стремится понять, уловить самые разные черты, отличившие «новое» от «старого». Старики признают — «тогда боле работали-те». Ее профессиональные знания дают ей возможность понимать цену продуктам «свободного времени. Давно сказано: лень — мать культуры, то есть культура создается из стремления к свободному времени и умения его использовать». Но каково это умение у ее современников-соотечественников? «Увеличение свободного времени в деревне признают все. Сейчас не умеют его использовать по-человечески: просто сидят, болтают, перебирая им доступные события и новости, смотрят в окна. Каждый проходящий человек вызывает обсуждение: куда и зачем? Раньше такое было у мещан, крестьянам некогда было, да и не было таких отвлекающих внимание и развлекающих явлений в повседневности. Сейчас как бы вся страна превратилась в мещан: она приняла внешние навыки города и бессодержательность полугородской жизни». Из далекого времени талантливый ученый невольно побуждает нас взглянуть и в сегодняшнюю российскую жизнь.

И в мемуарах, и в рассказах, и в дневниковых записях — везде зоркий взгляд этнографа, видящего вещественность быта, и непрекращающаяся рефлексия над опорами бытия. Вот у кого в любых обстоятельствах сохранялась уверенность: «Мыслью — значит существую».

Сколько людей, встретив в лагерях Нину Ивановну с ее твердой этикой, здравым смыслом, не поддавшимся советской обработке, и научной ясностью и доходчивостью суждений, получили на всю жизнь иммунитет против повседневного одурманивания «на воле»? Этого нам уже не узнать. Но мы можем с высокой степенью уверенности предполагать — немало. И вклад ее в российскую культуру и жизнь общества — неоценим.

Мариэтта Чудакова

Об авторе этой книги

Выписка из метрической книги «церкви Смоленския Божия Матери, что при Императорской военно-медицинской академии», гласит: «Декабря 2-го рождена, а 1901 года февраля 3-го крещена Нина. Звание, имя и фамилия родителей: ассистент Академической хирургической клиники надворный советник Иоанн Эдуардович Гаген-Торн и законная жена его Вера Александровна, он лютеранского, а она православного вероисповедания, оба первым браком».

Нина Ивановна Гаген-Торн — плоть от плоти питерской служилой интеллигенции, четвертое поколение ее. Нина выросла на берегу Финского залива. Семья, еще со времен ее деда, кронштадтского военного врача, обрусевшего шведа, Эдуарда Давыдовича Гаген-Торна, выезжала на лето в лоцманское селение Лебяжье, в 20 верстах за Ораниенбаумом. Там, в Лебяжьем, а позже в 6 верстах от него, в Б. Ижоре, прошло детство и юность Нины. Она лазала на сосны, ездила верхом, ходила в море на байдарке — к ужасу теток, старших сестер отца, пытавшихся опекать семью младшего брата. И закалка вольной мальчишеской жизни очень пригодилась в ее дальнейшей трудной судьбе. Но о дальнейшем она лучше расскажет сама.

Книга кончается возвращением из ссылки в Ленинград. Дальше связанных записей нет. Есть отрывочные дневниковые записи, не предназначавшиеся для публикации, с надписями: «После моей смерти никому не читать, дневники уничтожить»; «Читать только Оле» (внучке); «Все мои дневники отдайте в мой архив, в Пушкинский Дом».

Галина Гаген-Торн

*Юрию Михайловичу Шейнманну
посвящается*

О днях далеких

КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПОД СТАРОСТЬ СВОЙСТВЕННО подводить итоги жизни и хочется рассказать о прожитом. Чтобы не кануло даром в Неведомое, остался хоть тоненький следок, как след куликовой лапки на песке у реки, в огромных песках Вечности.

Впрочем, желание ухватить и сохранить миг свойственно не только старости — оно залог всей культуры, начало вступления человеческой души в культуру, которая ведь и есть передача накопленного.

Я помню, как оно во мне пробудилось: девочкой я стояла над озером на крутом холме. Озеро блестело внизу светлой латуни. За ним желтели стволы сосен, синели их уходящие вдаль вершины. Волнами переливались. А над ними, у горизонта, — сиял залив и был виден поднятый в небо палец Толбухина маяка. И такая, поразившая сердце, красота жила кругом, что я не знала: куда деться, чтобы охватить и запечатлеть ее навсегда?

Немыслимым казалось, чтобы ушли и стерлись эти тонкие травы с лучистыми глазками ромашек, лепет осинового листвяка над головой, я, стоящая над озером, сосны внизу. Мы все должны сохраниться в какой-то памяти.

«Я нас сохраню! Сохраню навсегда и для всех!» — сказала я им всем. И была уверена, что каким-то, еще неведомым мне, актом сумею создать неувядающую жизнь.

Это было зачатием творчества. Мне не удалось сохранить для всех ни этих сосен, ни трав, ни этой минуты. У меня, ока-

залось, не хватило творческих сил, чтобы навсегда и для всех сделать своим пережитое мною.

Что же делать! Если невозможно передать трепет ощущений, личное, надо постараться сохранить хоть то ОБЩЕЕ, свидетелем чему я была и что не выпускается живым и многогранным в печатные памятники нашей эпохи.

Поэтому я не буду рассказывать ⟨...⟩ о том, как в юности шумели сосны над моей головой и шумели нараставшим прибоем мысли. О том, как свежее дыхание родного Финского залива пробуждало жадность охватить землю, избегать ее ногами, проплавать ее моря и реки, насмотреться на обитающие вокруг существа.

Не буду говорить о том, что силы казались необъятными, впереди — вечность, и достижима мечта перевернуть мир и сделать его окончательно прекрасным. Это свойственно было многим из нашего поколения.

Я буду говорить ⟨...⟩ о том, что я видела «по ту сторону жизни» — в лагерях. И о тех мыслях, которые приходят сейчас, по эту сторону, после того, как я побывала там и вернулась. Я постараюсь нарисовать правдивые портреты людей, о которых вряд ли смогут узнать иначе правду.

Эти мысли не укладываются ни в какую схему, а жизнь нашей эпохи построена по схемам, это ее основной (и неизбежный) закон.

Схемы стесняют свободу, но побуждают к движению. Мне кажется, для мысли они то же, что шлюзы для реки.

Вероятно, полезно заключить реку в шлюзы: ею можно тогда управлять, можно заставить двигать барки. Но мне милее вольная река, вольно несущая яхты, и трепет их белых парусов. И мне необходимо, как вода для жизни, вольное течение мысли, ее сверканье, когда солнце меняет цвета и создает блестящие радуги. Все это осталось на долю прошлого и, может быть, будущего...

Гимназия

ГИМНАЗИЯ. СНАЧАЛА ЛИБЕРАЛЬНЕЙШАЯ, С ОТТЕНКОМ демократизма гимназия Стоюниной. Ходили все девочки в голубых сатиновых халатах и легких тапочках, которые оставались в гимназии. Преподавали великолепные учителя: Н. О. Лосский, муж дочери Марии Николаевны Стоюниной, читал в VIII классе логику, а Ив. Ив. Лакрин — психологию. Стоюнинки гордились своей гимназией и своей свободой обращения. Детей не стесняли. Мне позволяли под халатом носить привычные мне штаны и матроски. Мы с Татой Глебовой и Мухой Гвоздевой, трое из нашего класса, ходили одетые мальчиками. Четыре года я училась у Стоюниной, но потом мы переехали на Бассейную улицу, в «кадетскую крепость», как называли эти кооперативные дома Товарищества. Там жила обеспеченная профессорская интеллигенция, жил и Радичев, бывал Набоков — левокадетские лидеры. Отец дружил с ними. Он к этому времени стал профессором военно-медицинской академии. Демократизм несколько выветрился из нашего дома и принял другие формы. Мама продолжала считать, что «люди», то есть кухарка и две горничные, должны питаться так же, как и «господа». Однако «господа» ели вдоволь — «людям» же к обеду полагалось по половине рябчика и по одному куску сладкого пирога на десерт. И хотя мама и говорила, что надо бы каждой дать хотя бы по маленькой комнатке, людская была одна на троих.

Меня перевели в другую гимназию. Это мотивировалось тем, что я ни за что не соглашалась, чтобы за мной приходила в гимназию прислуга, а мама не соглашалась пускать меня одну через Невский.

В гимназии княгини Оболенской сняли с меня мальчишеские штаны, надели коричневое платье с черным передником и запретили носить носки. Это было первое и неодолимое усилие надо мной. Дисциплина и «хорошее поведение» сказывались и в том, что в «большом зале» на переменах старшим классам не позволялось бегать, а для игр отводился лишь примыкавший к нему «малый зал». А в нижний этаж, где проводили свои перемены маленькие, нас не пускали. У меня бывали приступы тоски и потребность какой-то разрядки.

Отрадой и утешением были уроки истории. Древнюю историю преподавала Наталия Давидовна Флитнер, египтолог, работавшая в Эрмитаже (потом, взрослой, я встречалась с нею). Средневековье преподавал Алексей Георгиевич Ярошевский. Он прочел нам отрывок из «Песни о Роланде», рассказал о рыцарских турнирах. Советовал прочесть «Айвенго» и вообще прочитать Вальтера Скотта. И вот нахлынула вдруг на меня потребность разрядки! И я стремительно решила — устроить в гимназии рыцарский турнир!

В «малом зале» из стульев сделали возвышенный трон. Были выбраны король и королева. Облачившись в какие-то мантии, распустив локоны, они уселись на троне. Были выбраны рыцари и кони — две здоровенные толстые глупые девы, охотно шедшие на всякие шалости. «Рыцарь» Нина Мелких написала стихи:

Герольд обходит государства
С большой серебряной трубой —
Герольд, что с серыми глазами
И золотыми волосами,
Обходит герцогства и царства
И кличет рыцарей на бой.

Герольдом была я. Серебряная труба — свернутая трубкой тетрадь. А герцогства и царства — соседние классы. Зрители турнира охотно набегали оттуда. Герольд и поэт — две Ни-

ны — превратились в рыцарей и сели на «коней». Портфели были щитами, а длинные линейки — мечами. Кони ржали и гарцевали. Мы выехали на середину круга перед тронем и только собрались скрестить мечи, как появилась дежурная классная дама и, стащив нас с «коней», повела всех в директорскую. Но в директорской был инспектор и наш историк — Алексей Георгиевич. Классная дама, пылая гневом, рассказала им всю сцену.

— Ведь не мальчишки — девочки, из приличных семей, и устроили публичную драку! Чем это могло кончиться?

Алексей Георгиевич поправил очки и торопливо разгладил бородку.

— Что же это, девочки? — сказал он укоризненно. — Ну разве мыслимо драться публично?

— Это вовсе не драка, Алексей Георгиевич, — сказали мы обе, — это был настоящий рыцарский турнир.

— Мы хотели устроить военные состязания, — пояснила я.

— Необходимо поставить в известность родителей, — сказала классная дама.

— Да, да, мы разберемся на педагогическом совете, — заверил ее Алексей Георгиевич. — Ступайте, девочки, и, пожалуйста, чтобы этого больше не было.

На педагогическом совете, кажется, очень смеялись, как общили нам нянечки. Дома я рассказала за обедом сама.

— Далекое отражение военного времени в детской психике, — заметил отец, торопясь на прием.

Шел 1914 год, война была летом объявлена, но еще не очень чувствовалась в быту тыла. Может быть, и правда, это она давала такие «отражения»? Но мне хочется сказать не о том, как отразилась на нас война, передать не быт эпохи, а те картины, которые, казалось, были записаны во сне. Они — черточки того, что стало потом фундаментом моей молодости, ее трудностью и ее силой. Пожалуй, это было чувство свободной уверенности в себе, в праве быть самим собой и идти своим путем, обязательно раскрывающим впереди горизонты.

Литературу преподавала Ольга Владимировна Орбели, жена Рубена Орбели, брата Леона и Иосифа Абгаровичей, человек, несомненно, культурной среды, но культуры XIX века. Она не понимала и не любила культуру начала XX века. Помню, она дала нам сочинение на «вольную тему». А я тогда только что с упоением прочитала Рабиндраната Тагора и стала писать о нем. Незаметно, ловя что-то звеневшее в воздухе, я написала ритмической, в аллитерациях выходящей прозой, и Ольга Владимировна подумала: Андрей Белый! Декадентство... Она прочла в классе вслух мое сочинение, иронически подчеркивая все аллитерации. Класс хохотал. Я не была уязвлена или обижена, нет, я взбунтовалась. Распахнув двери, я закричала:

— Бэби, кататься!

И толстая Бэби, мой конь из турнира, с топотом прискакала ко мне. Размахивая мечом-линейкой, я вскочила к ней на спину, и мы помчались по залу. Конечно, вскоре нас поймали и отправили в директорскую.

— Что это — опять Гаген-Торн? — с упреком сказала кроткая Елизавета Николаевна Герцфельд, директриса. — Что это, Бэби?

— Елизавета Николаевна, Бэби тут совсем ни при чем, она просто не поняла, что делает. Виновна — я. Но я просто не могла удержаться. Надо было вылить обиду!

— Какую обиду?

— Ольга Владимировна прочла вслух классу и осмеяла мое сочинение. А я правда писала как умела, стараясь передать свое впечатление от Рабиндраната Тагора... Очень сильное впечатление. Я и не слыхала об Андрее Белом. Я написала, как я Тагора почувствовала, а Ольга Владимировна все сделала таким смешным! — И, о позор, у меня брызнули слезы! Я торопливо утерла их измазанным мелом кулаком.

— Но вы же большая девочка, Гаген-Торн, расскажите связно!

Я взяла себя в руки и сказала:

— Понимаю, это глупо — скакать по залу, но это от неожиданности и отчаяния просто!

- Гаген-Торн Н.
Г 12 Memoria : Воспоминания, рассказы, стихи / Нина Гаген-Торн. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-26756-5

Нина Ивановна Гаген-Торн занимает видное место среди авторов женской «лагерной» прозы (наряду с Е. Керсновской, Е. Гинзбург, Т. Петкевич), в дневниках и воспоминаниях которых отразились судьбы людей, ставших жертвами сталинских репрессий. Известный ученый, стоявший у истоков советской этнографии, Н. И. Гаген-Торн была также талантливым поэтом, писателем и мемуаристом. Ее юность и студенческие годы прошли под знаком Серебряного века и первых лет советской республики; ей довелось услышать, как читал свои стихи Александр Блок, она участвовала в семинарах Андрея Белого и бывала на заседаниях знаменитой Вольфилы (Вольной философской ассоциации, ставшей средоточием духовной жизни Петрограда 1920-х годов). На взлете научной работы, в 1936 году, была арестована и осуждена на пять лет колымских лагерей. На воле остались две маленькие дочери. После освобождения успела защитить диссертацию — и новый срок, еще пять лет лагерей, а затем ссылка... Но какими бы тяжкими ни были испытания, Н. И. Гаген-Торн удалось сохранить и твердость воли, и ясность ума, и жадный интерес к миру, и желание рассказать о пережитом, «чтобы остался хоть тоненький следок, как отпечаток куликовой лапки на песке у реки, в огромных песках Вечности».

Помимо воспоминаний, публикация которых стала возможной лишь в 1994 году, после смерти автора, издание включает стихи, написанные в разные годы жизни, и отрывки из дневников и писем, подготовленные Галиной Гаген-Торн, а также вступительную статью Мариэтты Чудаковой.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6

НИНА ИВАНОВНА ГАГЕН-ТОРН

MEMORIA

ВОСПОМИНАНИЯ, РАССКАЗЫ, СТИХИ

Ответственный редактор ОКСАНА САБУРОВА

Художественный редактор ВАЛЕРИЙ ГОРЕЛИКОВ

Подготовка иллюстраций ДМИТРИЯ КАБАКОВА, ЕКАТЕРИНЫ МИШИНОЙ

Технический редактор ВАЛЕНТИНА ДИК

Компьютерная верстка МИХАИЛА ЛЬВОВА

Корректоры ДМИТРИЙ КАПИТОНОВ, ИРИНА ИГНАТЬЕВА

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.09.2024.

Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 30,38 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака КоЛибри®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — КоЛибри® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-APR-35754-01-R